

УДК 811.161.1'28

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-43-52

К СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ПРОДОЛЖЕНИЙ ПРАСЛАВ. *bьdr-¹

Яна Владимировна Малькова

лаборант-исследователь топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620083, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. yana-malkova@list.ru

SPIN-код: 2391-6261

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

ResearcherID: P-8937-2018

Статья поступила в редакцию 09.09.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Малькова Я. В. К семантико-мотивационной интерпретации русских диалектных продолжений праслав. *bьdr- // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 43–52. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-43-52

Please cite this article in English as:

Malkova Ya. V. K semantiko-motivatsionnoy interpretatsii russkikh dialektnykh prodolzheniy praslav. *bьdr- [Continuants of the Pre-Slavic *bьdr- in Russian Dialects: Semantic and Motivational Interpretation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 43–52. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-43-52 (In Russ.)

Рассматриваются русские диалектные слова, восходящие к корню *bьdr-. Материал изучается с точки зрения мотивационных отношений, связывающих лексемы в гнезде. Ключевой, исходной для семантического развития слов, происходящих от *bьdr-, является идея жизненной энергии, полноты сил, активности, заключенная в значении праславянского корня. Анализируются в статье и лексемы, образующиеся в ходе дальнейшей деривации внутри гнезда. Спектр значений включает в себя наименования эмоций, предметов, качеств, общей оценки, физических и психологических характеристик, поведения, различных неспециализированных действий. Для сравнения привлекаются элементы близких по семантической структуре гнезд *vesel- и *dobr-. Сопоставление дает основание для подтверждения некоторых мотивационных моделей, а также позволяет сделать наблюдения о развитии семантики полноты жизненных сил в русских диалектах. Так, продолжения *vesel- и *bьdr- переключаются в обозначениях доброго расположения духа, высокой скорости действия, процессов брожения. Сходство *dobr- и *bьdr- наблюдается в обозначении общей положительной оценки, хорошего качества, здоровья и вегетативных сил. Отдельно автор останавливается на изучении семантико-мотивационного своеобразия влг. бодриться 'пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением', бодрый 'такой, кто отказывается от угощения, пренебрегает гостеприимством'. Внимание к этим лексемам обусловлено значимостью приведенных идеограмм в народном социуме: проявленная в гостях брезгливость, отказ от угощения расценивается как неуважение к хозяевам дома, проявление высокомерия.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; семантика; мотивология; этнолингвистика; этимолого-словообразовательное гнездо.

В статье будут рассмотрены русские диалектные лексемы, являющиеся элементами этимолого-словообразовательного гнезда **bьdrь(jь)*, с точки зрения мотивационных отношений, которые их связывают.

Данные многих диалектных словарей русского языка, а также факты, содержащиеся в неопубликованной полевой картотеке «Словаря говоров Русского Севера», свидетельствуют о том, что **bьdr-* имеет множество продолжений в русских говорах, которые развивают значения, не свойственные литературному языку.

Особое внимание будет нами сосредоточено на таких словах, как *бодриться* ‘пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением’, ‘пренебрегать общением или угощением, вести себя заносчиво’, *бодрый* ‘такой, кто отказывается от угощения, пренебрегает гостеприимством’ [КСГРС]. Они были записаны сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского университета в 2017 г. в ходе работы в Тотемском районе Вологодской области. Эти лексемы ранее не фиксировались, предположительно, в лексикографической литературе. Релевантность этих значений для семантического пространства диалектной лексики обусловлена существованием социальной регуляции приема пищи в традиционном обществе, в особенности в ситуации угощения (см. об этом: [Леонтьева 2012; Кабакова 2013: 17–23]). Проявление брезгливости в чужом доме, по данным языка, наносит личную обиду хозяевам дома и ведет к возникновению межличностных конфликтов (подробнее см.: [Малькова 2016: 90–91]). Таким образом, приведенные лексемы оказываются вписанными в круг диалектных фактов, связанных с функционированием традиционного общества, его взглядами и ценностями.

Остановимся на рассмотрении **основных мотивационных линий, представленных в гнезде.**

По мнению А. Е. Аникина, *бодрый* восходит к прасл. **bьdrь(jь)* со значением ‘бодрый, здоровый, смелый, бдительный’, а далее к и.-е. **bhudro-*, производному с суффиксом *-ro-* от **bheudh-*, которое продолжается в *бдеть*, *блюсти* [Аникин РЭС 3: 309–310].

По данным «Этимологического словаря славянских языков», прасл. **bьdrь(jь)* следует возводить к **bьdēti* как отглагольное прилагательное с суффиксом *-r-* [ЭССЯ 3: 111–112]. Этот глагол имеет такие продолжения, как др.-рус., рус.-цслав. *бьдѣти* ‘бодрствовать’, рус. стар. *бдеть* ‘проводить время без сна, бодрствовать’, ‘заботиться о ком-, чем-либо, наблюдать’ [там же: 109].

Первичные значения сохраняются в семантике лексем, маркирующих состояние бодрства:

литер. *бодрствовать*, алтай. *прободриться* ‘не спать ночью, гулять’ [СРГС 4: 24].

Идея бодрости (т. е. полноты жизненных сил, здоровья), таким образом, восходит к представлению о том, что человек не спит, а пребывает в состоянии активности. Это значение воплощается, например, в пск. *бодрый* ‘полный энергии, живости’: «Слишком была красивая девацка и бодрая, шустрая» [ПОС 2: 72]; смол. *бодрѣха* ‘бодрая энергичная женщина’: «Ну и бадрѣха ш ты! Ей уш пумирать скоро, а ина усѣ бадрица, бегить» [ССГ 1: 204], *бодриться* ‘быть энергичной, бодрой’ [там же: 204–205], волог. *набодро* ‘бодро’ [СВГ 5: 20].

Вероятно, при развитии значения сыграло роль представление о том, что человек во время сна набирается энергии и по пробуждении чувствует себя особенно активным. Так, словари отмечают, что прасл. **bьdēti* родственно каузативному **buditi* (> рус. *будить*) [ЭССЯ 3: 109]. Значение пробуждения и нахождения в состоянии активности развивается также и у континуантов корня **bьdr-* в русских говорах: арх. *ободриться* ‘проснуться’ [СРНГ 22: 156–157].

Большинство семантических линий, развивающихся в рамках гнезда, связаны с идеей энергии и силы в различных проявлениях.

Наиболее близко в семантическом отношении к идее бодрости как наличия сил и энергии, по-видимому, стоят лексемы, имеющие в своем значении сему ‘быстрый’. Например, это разнообразные номинации человека и животных, такие как пск. *бодряк*, *бодрак* ‘бодрый, резвый человек’ [ПОС 2: 72], пск. *бодрак* (удар?) ‘резвый мальчик’ [СРНГ 3: 56], смол. *бодрѣха* ‘резвое животное’ [ССГ 1: 204]. Сюда же примыкают слова со значением высокой скорости действия: брянск. *бодре* ‘быстро, поспешно’ [СБГ 1: 63].

В ходе семантического развития рождаются значения типа пск. *бодриться* ‘баловаться, шалить’ [ПОС 2: 72], арх. *бодрить* ‘шалить, озорничать’ [АОС 2: 46], пск. *бодряшка* ‘забияка, шалун’ [ПОС 2: 72]. Излишнее проявление подвижности, резвости расценивается как проказливое, хулиганское поведение, непослушание.

С другой стороны, наблюдение за быстротой реакций, резвостью движений того или иного человека обуславливает возникновение представлений о его соответствующих интеллектуальных качествах, таких как ловкость, сообразительность, изобретательность, предприимчивость: арх. *бодристой* ‘уверенный в себе, ловкий’ [АОС 2: 46], *бодряга* новг. ‘бодрый, бойкий (человек), хват’ [СРНГ 3: 58], пск. ‘бойкий человек’ [ПОС 2: 72], смол. *бодрѣха* ‘бодрая, ретивая женщина’ [СРНГ 3: 56].

Другой крупный семантический блок производной семантики – это обозначение веселья, задора. Идея жизненной энергии в данном случае понимается расширительно и связывается с добрым состоянием духа, внутренним оживлением, приподнятым настроением. Это может быть обозначение конкретных эмоциональных состояний, как в пск. *бодрённый*, *бодрущий* экспр. ‘веселый, общительный’ [ПОС 2: 72], Лит. ССР *разбодри́ть* ‘развлечь, развеселить’, *разбодри́ться* Лит. ССР ‘взбодриться, развеселиться’ [СРНГ 33: 265], смол. ‘развеселиться’ [ССГ 9: 82], яросл. *ободре́вать* ‘ободрять’ [ЯОС 7: 16]. С другой стороны, лексемы, созданные по этой мотивационной модели, могут обозначать и в целом жизненную позицию: арх. *бодруля* ‘веселая, жизнерадостная женщина’ [КСГРС].

Возникновение таких значений, вероятно, связано с тем, что прилив сил обыкновенно сопровождается повышением настроения, появлением весёлости. Приведенные значения вполне могли развиваться через ступень, связанную с обозначением энергичного выполнения работы: пск. *бо́дрость* ‘сильное увлечение работой, задор’: «В Тарафцэ фсё артёлем косят, пайдёш жать, так и разбирае тябя бо́драсть» [ПОС 2: 72]. Активный труд рождает определенный настрой, представления о котором воплощаются с помощью приведенной выше лексики.

Здесь стоит также обратить внимание и на другие комплексные значения, которые сочетают в себе обозначение физической активности и положительных эмоций: пск., твер. *бо́дер*, *бо́дра*, о ‘весел, резов’ [СРНГ 3: 57–58], новг. *бодрёный* ‘веселый, полный энергии’ [НОС: 49].

Поскольку первичная семантика связана с обозначением внутреннего состояния организма, то переход значения может осуществляться в этом же направлении. Семантика нахождения в состоянии активности в противоположность сну, наличия у человека сил и энергии служат мотивационным импульсом к появлению комплекса значений, связанных с обозначением крепкого здоровья. Это может быть указание непосредственно на внутреннее состояние организма, как в ср.-урал. *бодрящей*, *бодрящий* ‘бодрый, здоровый человек’ [СРГСУ/Д: 33], арх. *бодер* (удар.?) ‘сильный, здоровый’ [СРНГ 3: 57–58], брянск. *бо́дрость* ‘сила, здоровье’ [СБГ 1: 63], или же на особенности телосложения и внешнего вида: свердл. *бо́дрой*, *бо́дреной* ‘красивый, здоровый’ [СРГСУ 1: 48], арх. *бодряный* ‘бодрый, крепкий; дюжий, дебелий, здоровый; здоровый на вид’ [СРНГ 3: 58], калуж. *бо́дрый* ‘мужественный, крепкий’, пск., твер. *бо́дер*, *бо́дра* ‘крепок телом’ [там же: 57–58].

Идея накопления сил ярко реализуется в обозначении процесса взросления: ср.-урал. *бодрётъ* ‘взрослеть, крепнуть’ [СРГСУ/Д: 33].

В причинно-следственные отношения вступают номинации напитков, которые получают наименование с помощью корня *-бодр-* благодаря их свойствам давать человеку энергию: перм. *бодряжка* ‘то, что придает бодрость; освежающий напиток’.

Лексему *бодряжка* без указ. места ‘народное блюдо из гречишной муки с простоквашей’ [СРНГ 3: 58] можно интерпретировать двояко. С одной стороны, вероятно, ее происхождение связано со способностью этого блюда наполнять человека энергией. С другой стороны, возможно предположить, что мотивационно значимым оказался признак брожения, который может быть обозначен с помощью корня *-бодр-*.

Для шуточных номинаций типа *бодряжка* краснояр. ‘водка’, перм. ‘вино, водка’, казан. ‘простое вино’ [там же], ворон. *бодрило* ‘водка’ [там же: 56] мотивационными импульсами послужили как семантика прилива сил, энергии, так и значения, связанные с веселым расположением духа.

Значение полноты сил может связываться с семантикой плодородия при характеристике урожая: яросл. *бо́дрый* ‘о семенах – хорошие, полные, свежие’ [ЯОС 2: 7], арх. *бодрой* ‘обильный, богатый, хороший (об урожае)’ [АОС 2: 46].

При семантическом развитии может актуализироваться идея полноты, изобилия, которая также заключена в продолжениях корня *-бодр-*, к примеру, новосиб. *набодри́ть* ‘положить друг на друга’: «Набодришь на тарелку много лепешек, кремом зальешь» [СРГС 2: 314]. Это слово уже демонстрирует предметное, «вещественное» значение, дающее существенный отход от семантики бодрости, и интерпретировать его позволяет только понимание общих закономерностей, организующих смысловое пространство изучаемого гнезда.

Сочетаясь с номинациями предметов, континуанты изучаемого корня дают семантику хорошего качества, прочности, неизношенности: арх. *бодряный* ‘неизношенный, крепкий’ [СРНГ 3: 58], арх., олон. *боде́р* ‘крепок (об одежде)’: «Пониток-то на тебе бодёр еще» [там же: 57–58], ‘о вещи, хорош, цел, крепок, прочен, годен’: «Кафтан-от бодёр ещо» [Даль I: 260]. Глаголы в последнем случае приобретают значение воздействия на какой-либо объект с целью улучшения его качества: ср.-урал. *бодри́ть* ‘поправлять, пытаться сделать лучше’ [СРГСУ/Д: 33], *подбодри́ть* волог. ‘заменить, обновить’ [СВГ 7: 87], ср.-

урал. 'придать более красивый вид, подновить': «Лавка старая, подбодрил» [СРГСУ/Д: 415]. Вероятно, сюда следует включить и орл. *бодрік* 'холстинное кольцо, накладываемое на голову для того, чтоб выше стояла сорока (верхний головной платок) и кичка' [СРНГ 3: 56]. Эта деталь, по всей видимости, «ободряет» головной убор.

Ряд лексем из гнезда **bъdr-* связан с номинациями психологических черт человека и его эмоциональных состояний.

Комплекс лексем с корнем *-бодр-* может употребляться для обозначения смелого человека, к примеру, пск. *бо́дрый* 'храбрый, смелый' [ПОС 2: 72], астрах. *бо́др* 'смелый' [СРНГ 3: 57–58], брянск. *бо́дрый* 'полный сил, деятельности; храбрый' [СБГ 1: 63], его поведения (пск. *забо́дриться* 'освоиться, осмелеть' [ПОС 11: 25]), стремления придать соответствующий настрой духа, как в арх. *бодрить* 'подбадривать себя, храбриться, хорохориться' [АОС 2: 46], пск. *бодриться, бодряться* 'стараться проявить бодрость; храбриться' [ПОС 2: 72], или же абстрактного качества (пск. *бо́дрость* 'храбрость, смелость' [там же]).

Вероятно, значение 'храбрый, смелый' связано с существовавшим в древнерусском языке комплексным значением *бъдрѣствовати* 'бодрствовать; быть бдительным', *бъдрый* 'бодрствующий, бдительный' [СлРЯ XI–XVII 1: 270]. Как отмечают М. А. Бобрик и Д. Я. Калугин, «в древнерусской письменности церковнославянский топоним *бодрый дух* находил реализацию в двух основных контекстах – воинском и монашеском. Бодрствование подразумевало активное, деятельное начало и понималось при этом как синоним мужества в борьбе с врагом, в христианском контексте – дьяволом и грехом» [Бобрик, Калугин 2016: 347]. Таким образом, можно предполагать выделение значения храбрости из синкретичной семантики активности, смелости, бдительности, которая актуализировалась при обозначении борьбы.

Значение пск., твер. *бо́дер* 'опрометчив' [Даль I: 260] образуется от значения 'храбрый', когда излишнее проявление смелости расценивается как поспешная решительность, бездумное отсутствие страха перед опасностью.

Вероятно, обозначение арх. *бодрить* 'сердить, злить' [АОС 2: 46] связано с идеей сильного эмоционального воздействия. Семантическое развитие в таком случае, по-видимому, шло в следующем направлении: 'придавать силы, веселить' → 'вызывать сильные эмоции' → 'сердить, злить'.

Возможно, что с рассмотренной выше лексемой энантиосемичными отношениями связаны

слова *взба́дривать* экспр. хакас. 'бить, наказывать, сечь' [СРГС 1: 145], ср.-урал. 'бить' [СРГСУ 1: 77], свердл. *навзба́дривать* 'избить кого-либо' [СРНГ 19: 163]. Однако в большей степени представляется, что данные слова являются самостоятельными образованиями, несущими семантику воздействия на человека с целью отрезвления, возвращения к адекватному восприятию действительности.

Семантика бодрости может интерпретироваться как состояние организованности, психологической готовности, как в новосиб. *подбодриться* 'собратиться' [СРГС 3: 281].

В целом, нужно отметить, что как этимологически первичная семантика, так и большинство рассмотренных производных значений обладают положительными коннотациями. Это позволяет развиваться сугубо оценочной семантике одес. *бо́дро* 'хорошо' [СРГО I: 43].

Оценочные значения, в свою очередь, с помощью актуализации коннотативных сем в ходе переноса значения формируют единичные лексемы с различной положительной семантикой типа новосиб. *подбодрить* 'положить что-либо так, чтобы было удобнее пользоваться' [СРГС 3: 281] и сев. *ободронушка* 'полное довольство; нега' [СРНГ 22: 157].

Особого внимания заслуживают **элементы изучаемого гнезда с семантикой брезгливости, пренебрежения**, которые стоят особняком среди «психологических» значений изучаемого корня. Эти слова отмечены Топонимической экспедицией УрФУ в Тотемском районе Вологодской области: *бо́дриться* 'пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением', 'пренебрегать общением или угощением, вести себя заносчиво': «Не бо́дрись, ешь до отвороту», *побо́дриться* 'побрезговать, пренебечь угощением', *бо́дрый* 'такой, кто отказывается от угощения, пренебрегает гостеприимством': «Чего бо́дришься, не ешь? Хлеба не поела, побо́дрилась. Бо́рых гостей-то не любили», *небо́дрый* 'такой, кто не пренебрегает гостеприимством': «Бо́дрится иной раз гостя, ты ей пирога, а она не ест. Ты вот небо́драя гостя, хорошо поела» [КСГРС]. На той же территории зафиксированы близкие значения заносчивости, высокомерия: *бо́дриться* 'вести себя заносчиво', 'отказываться от еды', *бодриться* 'высокомерно насмехаться' [там же].

Приведенные значения кажутся достаточно поздним образованием на фоне этимологической семантики корня **bъdr-*.

Как кажется, непосредственным мотивационным импульсом для формирования семантики

брезгливости стало значение ‘отказываться от еды’. В традиционной культуре отказ от еды обыкновенно воспринимается как проявление брезгливости, высокомерия, как личное оскорбление, нанесенное хозяевам дома, – поэтому следующей ступенью могло выступать значение ‘вести себя заносчиво’. Так, цепочку семантического развития можно реконструировать следующим образом: ‘отказываться от еды’ → ‘вести себя заносчиво’ → ‘пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением’.

В лексикографической литературе также находим принадлежащие к гнезду *bьdr- лексемы с семантикой высокомерия: волог. *бодриться* ‘кичиться, чрезмерно гордиться, превозноситься’: «Всё бодритесь, не едите моего хлѣ-то» [СВГ 1: 35], волог. *бодѣр, бодра, о* ‘спесив, чванлив, ломлив’ [СРНГ 3: 57–58], смол. *бодрость* ‘заносчивость, зазнайство’ [ССГ 1: 205].

Модель, указывающая на представление о высокомерии, заносчивости брезгливого человека, обладает продуктивностью в русских говорах. Приведем некоторые примеры лексем, где представление о спеси заключено уже на уровне внутренней формы: влад., яросл. *спесивиться* ‘брезговать’ [СРНГ 40: 135], перм. *спесивый* ‘брезгливый’ [СПГ 2: 382] ← *спесивый* ‘высокомерный, надменный’; помор. *цьвѣнной* ‘брезгливый’ [Дуров 2011: 436] ← *чванный* ‘спесивый, тщеславный’; смол. *гордаты, гордиться* ‘брезгать, гнушаться’ [ССГ 3: 55–56], *погордиться* арх. ‘побрезговать’ [СРНГ 27: 307–308].

В русских диалектах также встречаем примеры комплексных значений, сочетающих семантику брезгливости и чрезмерного самомнения: яросл. *покухнѣться* ‘пренебречь чем-, кем-л. из чувства высокомерия, заносчивости, отвращения и т. п.; погнушаться’ [ЯОС 8: 47], яросл. *перемѣтина* ‘чванливый, брезгливый человек’ [ЯОС 7: 96], сев.-зап., пск. *гордовѣть* ‘вести себя заносчиво, пренебрегать, гнушаться кем-либо’ [СРНГ 7: 28].

В то же время, вероятно, комплекс слов с семантикой высокомерия может мотивировать появление лексемы арх. *бодрый* ‘церемонный’ [СРНГ 3: 57–58].

Теперь обратимся к «левой мотивации»² принадлежащей к гнезду *bьdrъ(jь) лексики с семантикой высокомерия: смол. *бодриться* ‘гордиться, зазнаваться’ [ССГ 1: 204–205], твер. *бодер* (удар.?) ‘горд, самонадеян’ [СРНГ 3: 57–58], смол. *бодрость* ‘заносчивость, зазнайство’ [ССГ 1: 205]. Предполагаем, что данные значения происходят от лексем со значениями волог. *бодрить, бодрить* ‘идти мерным шагом, навязать» [СРНГ 3: 56], арх. *бодѣр* ‘мужествен, осан-

нист’ [там же: 57–58]; морд. *бодрый* ‘стройный, осанистый’ [СРГМ 1: 36]. Подобный переход представляется возможным ввиду существования представлений о модели поведения высокомерного человека: осознавая свое превосходство над другими, он ходит прямо, неспешно, с высоко поднятой головой (ср. перм., ср.-урал. *вздыморылить* ‘заноситься, задаваться, важничать’ [СРНГ 4: 262], перм., урал. *здыморыл* ‘человек с большим самомнением, гордец, зазнайка’ [СРНГ 11: 239]), может упереть руки в бока (ср. иркут., том. *подбодряться, подбодриться* ‘подбочениться’ [СРНГ 22: 156], новосиб. *подбодриться* ‘принять гордую, независимую позу; подбочениться’ [СРГС 3: 281])³.

В свою очередь, возможность обозначения осанки, особой выправки с помощью продолжений корня *-бодр-* обусловлено выделяющимся внешним видом здорового, полного сил человека.

На территории Русского Севера бытует также ряд лексем, которые могут иметь связи с рассмотренными выше, а именно группа лексики, обозначающая хорошо одевающихся людей, которые следят за своим внешним видом. Во-первых, это слова, называющие щеголей и щегольское поведение: арх. *бодрунья* ‘хорошо одевающаяся женщина, модница’ [АОС 2: 46], влг. *бодрунья* ‘щеголиха’ [СВГ 1: 35], волог. *бодруха* ‘то же’ [СРНГ 3: 57], арх. *бодрить, бодриться* ‘модничать’ [АОС 2: 46]. Во-вторых, это лексика, именующая нарядных людей и их действия: арх. *бодрой* ‘нарядный’ [там же], *бодрый* волог. ‘нарядный’ [СВГ 1: 35], арх. ‘красивый, нарядный’ [СРНГ 3: 57–58], *бодро* сев.-двин., волог. ‘красиво’ [там же: 57], арх. ‘нарядно, красиво’ [АОС 2: 46], арх. *бодруля* ‘хорошо одевающаяся, аккуратная женщина’ [КСГРС], арх. *бодриться* ‘наряжаться, прихорашиваться’ [СГРС 1: 131], волог. *бодриться* ‘наряжаться, хорошо, нарядно одеваться’ [СВГ 1: 35], арх. *выбодриться* ‘одеть красивую одежду, нарядиться’ [АОС 7: 106], арх. *забодриться* ‘начать прихорашиваться’ [СГРС 4: 12], смол., сев.-двин., новг., курск., ряз. *набодриться* ‘нарядиться’ [СРНГ 19: 122]⁴.

Связь между обозначениями нарядных и брезгливых людей вполне естественна, поскольку она отражает наблюдения за поведением щеголей, которые, с одной стороны, гордясь своим внешним видом, отличаясь от остальных людей, могут вести себя высокомерно, хвастливо, ср., например, тобол. *выбодриться* ‘принять форсистый, франтовый вид’: «Эк, ведь выбодрилась... и ногу отставила» [СРНГ 5: 247], орл, ворон. *пободриться* ‘пощеголять, пофорситься’ [СРНГ 27: 199], а также смол. *пободриться* ‘покрасоваться’

[ССГ 8: 89]. В таком случае линия мотивационного развития выглядит следующим образом: 'щеголь' → 'высокомерный человек' → 'брезгливый человек', 'нарядяться' → 'вести себя высокомерно' → 'брезговать'.

С другой стороны, нельзя не отметить, что франты, щеголи, одеваясь нарядно, неподходяще для выполнения крестьянской работы, могут чураться повседневных обязанностей, брезговать грязной работой, что отражается в лексической семантике: смол. *бодрый* 'нарядный; праздничный': «У будинь день ндывали хвэртучок свойский, сами ткали с пылытна. У празники ндывали бодрый хвартук. Яго дельли с шерсти, с сиццу» [ССГ 1: 205–206].

Если возвращаться к «левой мотивации» рассмотренных лексем, то думается, что формирование семем 'нарядный человек', 'нарядный', 'нарядяться' происходило от семантики бодрости. Так, возможно предположить семантический переход 'бодрить, придавать сил, веселить' → 'делать красивым, придавать чему-л. лучший вид' → 'нарядять, прихорашивать' на основе актуализации сем 'весёлый', 'радостный' в результате сходства полученных впечатлений.

Представляется, развитие семантики шло именно через промежуточное звено 'красивый', 'красиво', 'делать красивым', поскольку эти значения менее специализированы и также представлены в русских говорах: смол. *бодрый* 'красивый, эффектный', 'красивый, приятный на вид' [ССГ 1: 205–206], смол. *бодрость* 'красота' [там же: 205], новосиб. *набодрить* 'украсить кого-либо или что-либо' [СРГС 2: 314], а также ряз. *подбодрить* 'придать чему-л. лучший вид (сделать наряднее, чище и т. п.)' [СРНГ 27: 340], смол. *бодрить* 'приводить в порядок, прибирать' [ССГ 1: 204].

Для того чтобы ввести семантику продолжений изучаемого гнезда в типологический контекст, обратимся к **мотивационным параллелям *bьdr-** (словам других гнезд, развивающих сходные значения).

Спектр производных значений, обнаруженных в гнезде с вершиной *бодрый*, перекликается с мотивационными линиями, связывающими продолжения корней с семантикой жизненной силы, полноты, – *vesel-, *dobr-.

Об этимологической семантике корня *vesel- можно судить, исходя из того, что его продолжения обозначают новое, рождающееся, процветающее, полное сил (см. об этом в исследовании Н. И. Толстого и С. М. Толстой: [Толстая 2008: 252–274]), что коррелирует с семантикой корня *bьdr-.

В гнезде *veselъ(jь) находим семантико-мотивационные параллели⁵ к континуантам корня *bьdr-:

1) обозначение доброго, радостного расположения духа, ср. арх., ленингр., вят., перм., свердл., том., алт. *весельство* 'веселье; радостное настроение; развлечение, увеселение' [СРНГ 4: 182], север., вят., калуж. *взвеселяться* 'делаться веселым, веселиться' [там же: 249] и *разбодриться* Лит. ССР 'взбодриться, развеселиться' [СРНГ 33: 265], смол. 'развеселиться' [ССГ 9: 82];

2) номинация процессов брожения, ср. *веселить* киров. 'заквашивать (о молоке)', ворон. 'класть хмель в пиво, брагу для брожения' [СРНГ 4: 179], *навеселивать* волог., сев.-двин., арх. 'усиливать брожение пива путем добавления дрожжей, хмеля', вят., Бурят АССР 'добавлять муки в квасную гущу', Бурят. АССР 'месить (тесто)' [СРНГ 19: 160] и без указ. места *бодряжка* 'народное блюдо из гречишной муки с простоквашей' [СРНГ 3: 58];

3) наименования, связанные с действием спиртных напитков, ср. амур., ряз. *веселуха* 'водка' [СРНГ 4: 180], яросл. *весёлые капли* 'то же' [там же: 181] и ворон. *бодрило* 'водка' [СРНГ 3: 56];

4) обозначения высокой скорости действия: казан. *весёлый* 'быстрый, скорый' [СРНГ 4: 181], казан. *веселó* 'быстро' [там же: 180] и брянск. *бодре* 'быстро, поспешно' [СБГ 1: 63].

При этом, конечно, стоит отметить, что спектр значений в гнезде *veselъ(jь) не исчерпывается приведенными и значительно отличается от продолжений корня *bьdr-. Так, в частности, среди рефлексов *vesel- значительную часть занимают лексемы с культурной семантикой. С. М. Толстая и Н. И. Толстой, которые исследовали круг значений производных от *vesel- слов в контексте традиционной обрядности и фольклора, отмечают, что «могут быть выделены следующие основные семантические сферы, в которых представлена семантика и символика веселья: 1. рождение и Рождество, 2. весна и весенние праздники, 3. свадьба, 4. смерть, 5. светила и стихии» [Толстая 2008: 252–253]. Семантический охват может быть расширен, если обратиться к сфере бытовых значений континуантов *vesel-. Помимо приведенных выше лексем, это обозначения объектов природного мира (птиц, рыб, животных, растений), метеорологических явлений, различных праздников, соответствующих черт характера. Однако большинство из них так или иначе оказываются связанными с исходной семантикой полноты жизненной энергии.

Мотивационные параллели к моделям, представленным в гнезде *bьdr-, находим в гнезде с вершиной *dobrь(jь).

Наметим основные совпадения в спектре значений составляющих двух гнезд:

1) обозначение общей положительной оценки, ср. *добряцкий* тюмен., тобол. 'хороший, добрый': «Этот конь добряцкий», «Добряцкий мужик-от, хозяйственный», перм. 'очень хороший' [СРНГ 8: 80–81], перм. *добрятко* 'очень хорошо' [там же: 80] и одес. *бóдро* 'хорошо' [СРГО I: 43];

2) номинация явлений и продуктов хорошего качества, ср. том. *доброта* 'хорошее качество чего-либо' [СРНГ 8: 78–79], без указ. места *сдобреть* 'стать добротнее (о вещи)' [СРНГ 37: 76] и арх. *бодряный* 'неизношенный, крепкий' [СРНГ 3: 58];

3) обозначение здоровья, сил, ср. пск., твер. *подобреть* 'стать здоровее, сильнее; окрепнуть' [СРНГ 28: 108], казаки-некрасовцы *недобрый* 'больной, нездоровый' [СРНГ 21: 15–16]⁶ и брянск. *бóдрость* 'сила, здоровье' [СБГ 1: 63];

4) обозначение плодородия, вегетативных сил, ср. новосиб. *подобреть* 'вырасти (о растениях)': «Подобреет в июле, что посеяно, вырастет. Подобреет, вырастет все» [СРНГ 28: 108]⁷ и арх. *бодрой* 'обильный, богатый, хороший (об урожае)' [АОС 2: 46];

5) номинации на основе семы интенсивности, ср. курск. *дóбре*, том. *добрé* 'много' [СРНГ 8: 75] и новосиб. *набодри́ть* 'положить друг на друга': «Набодришь на тарелку много лепешек, кремом зальешь» [СРГС 2: 314].

Взаимодействие продолжений *vesel- и *bьdr- осложняется возможностью контаминаций ввиду формально-семантического сходства корней. Приведем некоторые примеры.

Возникшими в результате контаминации представляются слова пенз. *доброта́* 'ретивость (о лошади)' [СРНГ 8: 78–79], *добрить* 'бодрить, погонять (лошадь)' [там же: 76]. Эти лексемы по своему семантическому наполнению ближе к *bьdr-. Кроме того, нужно отметить, что корень *dobr-, в отличие от *bьdr- (примеры см. выше), не развивает в русских диалектах семантику высокой скорости действия.

Еще один яркий пример развития контаминационных процессов: калуж. *бодрохóд* 'нечистая сила' [СРНГ 3: 57] < калуж., смол., орл. *доброхóт* 'бранное слово: черт, дьявол' [СРНГ 8: 79]. Последний является эвфемистическим наименованием нечистой силы⁸.

Скажем, наконец, и о том, что, несмотря на большое число совпадений в семантическом развитии продолжений *bьdr- и *dobr-, последнее

гнездо отличается набором значений. Не претендуя на исчерпывающую полноту описания, очертим основной семантический круг: это обозначение положительных свойств характера, таких как доброта, ум, радушие, гостеприимство, щедрость, и действий людей, обладающих этими чертами, к примеру, помощь другим, проявление нежности и т. д. Продолжения *dobr- могут быть связаны с идеей наполнения жизненными силами, откуда появляются значения 'кормить', 'улучшать вкус, питательные свойства пищи', 'потолстеть'. В гнезде присутствуют также наименование имущества, временные значения, семантика, связанная со свадебным обрядом, а также эвфемистические номинации.

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что развитие значений внутри гнезда -*бодр*- первоначально исходило из заключенной в этимологической семантике корня ключевой мысли о жизненной энергии, активности. Большинство семантических переходов происходило с ориентацией именно на эту идею. Меньшее число лексем появилось в ходе дальнейшей деривации внутри гнезда⁹.

Идея полноты сил дает широкий семантический спектр разнообразных номинаций. Семантика бодрости служит непосредственным импульсом к формированию обозначения эмоций (веселье), предметов и объектов действительности (еда, напитки), качеств (быстрый, полный, свежий, обильный, крепкий, прочный), физических (здоровый, сильный, красивый, мужественный, энергичный, осанистый) и психологических (общительный, жизнерадостный, деятельный, храбрый) характеристик, поведения (подбоchenиться), общей оценки (хороший, красивый), различных неспециализированных действий (положить друг на друга, собраться).

В ходе дальнейшей семантической деривации появляются номинации эмоций (злить; задор, довольство), качеств (поспешный), черт характера (уверенный в себе, ловкий, опрометчивый), поведения (баловаться, пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением, вести себя заносчиво, отказываться от еды, наряжаться), неспециализированных действий (бить, наказывать; положить что-либо так, чтобы было удобнее пользоваться).

Анализ мотивационных параллелей, представленных в гнездах *veselь(jь) и *dobrь(jь), подтверждает выделение некоторых линий развития значения продолжений *bьdr-, указывает на особенности семантического развития идеи полноты жизненных сил.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

² По терминологии С. М. Толстой, «левая» мотивация» представляет собой воплощенные в лексике поля мотивационные модели [Толстая 2008: 192–193].

³ Ср. также размышления О. А. Кузнецовой о том, что в мировосприятии носителя традиционной культуры, по данным языка, гордый человек «держит себя прямо, величаво, его движения неторопливы и спокойны», он обладает «определенной осанкой, постановкой головы»... свад. *постатный* 'горделивый, красивый (о походке)' [СРНГ, вып. 30, с. 216]; костром., перм., твер. глагол *осаниться* 'принимать гордый, надменный вид' [СРНГ, вып. 23, с. 352]...» [Кузнецова 2015: 144–145].

⁴ Отметим при этом, что данная семантика существует гораздо шире: смол. *бодрун* 'нарядно одетый человек; франт' [ССГ 1: 205], *бодрый* перм., иван., свердл., тюмен., ряз. 'нарядно, шеголеват, по-праздничному одетый; расфранченный', смол. 'красивый, нарядный' [СРНГ 3: 57–58], перм. 'нарядный, красивый, праздничный' [СПГ 1: 44], хакас., тюмен. 'то же' [СРГС 1: 76], бурят., новосиб., хакас. *выбодряться* 'наряжаться; принимать франтовый вид' [там же: 193], омск. *выбодренный* экспр. 'нарядный' [там же], *набодриться* смол., новг., курск. 'нарядиться' [СРНГ 19: 122], карел. 'то же' [СРГК 3: 293].

⁵ См. о понимании семантико-мотивационных параллелей как «лексических рядов, демонстрирующих сходные модели смыслового развития слов, в рамках которого воспроизводится как собственно переход значения, так и его мотивация», [Березович 2014: 13].

⁶ Для данной лексики мы исходим из противоположного значения.

⁷ Сюда же с некоторой долей условности можно отнести свердл. *добрить* 'удобрять, вносить удобрения в почву' [СРНГ 8: 76], прииртыш., новосиб. *одобрять* 'то же' [СРНГ 23: 57], карел. *удобрь* 'удобрение' [СРНГ 46: 305].

⁸ Исследователи указывают также на ритуальную функцию веселья как способа «предотвращения действий потусторонних, смертоносных или нечистых сил» [Толстой 1995: 347]. См. об этом подробнее: [Толстой 1995; Толстая 2008: 267–268].

⁹ Отметим также и то, что нами не были охвачены единичные факты, которые на данном эта-

пе исследования представляются темными: арх. *бодрёнка* 'растение с полым стеблем, части которого употреблялись в пищу' [КСГРС], тамб. *бодренник* [удар.?] 'растение из рода полыней, *Artemisia Abrotanum*' [СРНГ 3: 56], без указ. места *бодрянка* 'растение *Argelica Archangelica* L., ныне *Archangelica officinalis* Moenih., сем. зонтичных, *Umbelliferae*' [там же: 58].

Список источников

Аникин РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак: Нестор-История, 2007–. Вып. 1–.

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909. Т. I–IV.

КСГРС – *картошка* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НОС – *Новгородский* областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными / под ред. А. И. Лебедевой [и др.]. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та; СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

СБГ – *Словарь* брянских говоров / под ред. В. А. Козырева, В. И. Чагишевой. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976–. Вып. 1–.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СлРЯ XI–XVII – *Словарь* русского языка XI–XVII вв.: в 28 вып. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М.: Наука, 1975–2008.

СРГМ – *Словарь* русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2013. Ч. I. С. 1–672. Ч. II. С. 673–1560.

СРГС – *Словарь* русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Фёдорова; сост. Н. Т. Бухарева [и др.]. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРГСУ/Д – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССГ – *Словарь* смоленских говоров: в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974–2005.

ЭССЯ – *Этимологический словарь* славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

ЯОС – *Ярославский областной словарь*: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1990.

Список литературы

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

Бобрик М. А., Калугин Д. Я. «Бодрый наш народ»: семантика бодрости в контексте русской национальной идеи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 9: История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова / гл. ред. А. М. Молдован; отв. ред. вып. А. А. Пичхадзе, Ю. В. Кагарлицкий. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2016. С. 340–357.

Кабакова Г. И. Концепт чести в ритуале гостеприимства // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Lublin, 2013. № 25. S. 17–28.

Кузнецова О. А. Лексико-семантическое поле «Гордость»: мотивационно-генетический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Томск: 2015. 359 с.

Леонтьева Т. В. Социорегуляция приема пищи в зеркале русской диалектной лексики // *Язык и культура*. 2012. № 2. С. 27–43.

Малькова Я. В. Мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значениями 'брезговать', 'гнушаться', 'пренебрегать' // *Научный диалог*. 2016. № 2(50). С. 89–101.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Толстой Н. И. Веселье // *Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого*. М.: Междунар. отн., 1995. Т. 1. С. 346–348.

References

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary in the general

Slavic context: semantic and motivational reconstruction]. Moscow, Russian Foundation for Education and Science Publ., 2014. 488 p. (In Russ.)

Bobrik M. A., Kalugin D. Ya. 'Bodryy nash narod': semantika boдрosti v kontekste russkoy natsional'noy idei ['Our Cheerful People': Semantics of cheerfulness in the context of the Russian national idea]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 9. Istoriya russkogo yazyka i kul'tury. Pamyati V. M. Zhivova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. Vol. 9. History of the Russian Language and Culture. In memoriam Viktor M. Zhivov]. Ed. by A. M. Moldovan, A. A. Pichkhadze, Yu. V. Kagarlitskiy. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 340–357. (In Russ.)

Kabakova G. I. Kontsept chesti v rituale gostepriimstva [The Russian concept of ČEST' in the ritual of receiving guests]. *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury* [Ethnolinguistics. Problems of Language and Culture], 2013, issue 25, pp. 17–28. (In Russ.)

Kuznetsova O. A. *Leksiko-semanticheskoye pole «Gordost'» motivatsionno-geneticheskij aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [Lexical-semantical field 'Pride', motivational and genetic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2015. 359 p. (In Russ.)

Leont'eva T. V. Sotsioregulyatsiya priema pishchi v zerkale russkoy dialektnoy leksiki [Social Regulations of Eating Through the Prism of Russian Dialect Vocabulary]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2012, issue 2, pp. 27–43. (In Russ.)

Mal'kova Ya. V. Motivatsionnoe svoeobrazie russkoy dialektnoy leksiki so znacheniyami 'brezgovat', 'gnushat'sya', 'prenebregat' [Motivational Peculiarity of Russian Dialect Lexis with Meanings 'to Be Fastidious', 'to Shrink', 'to D disdain']. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2016, issue 2 (50), pp. 89–101. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vianskoy perspective* [The Space of a Word. Lexical Semantics in General Slavic Perspectives]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)

Tolstoy N. I. Vesel'e [Fun]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary]. Moscow, International Relations Publ., 1995, vol. 1, pp. 346–348. (In Russ.)

CONTINUANTS OF THE PRE-SLAVIC *BЪDR- IN RUSSIAN DIALECTS: SEMANTIC AND MOTIVATIONAL INTERPRETATION

Yana V. Malkova

**Research Assistant in the Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication**

Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina prospekt, Ekaterinburg, 620083, Russian Federation. yana-malkova@list.ru

SPIN-code: 2391-6261

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

ResearcherID: P-8937-2018

Submitted 09.09.2018

The present article deals with Russian dialect words originating from the root **bъdr-*. The material is analyzed in terms of motivational relationships between lexemes within the word family. The study shows that the key idea, which was an original one for the semantic development of the words from the root **bъdr-* and is contained in the etymological meaning of the pre-Slavic root, is the idea of vital energy, force, activity. The article also refers to some lexemes which were formed during the further derivation inside the word family. The scope of meanings include emotions, objects, qualities, general appraisal, physical and psychological characteristics, behavior, different non-specialized actions. The continuants of the semantically related roots **vesel-* and **dobr-* are compared with the root in question. This comparison gives grounds for corroboration of some motivational models, as well as allows us to make some conclusions about the development of semantics of vital force plenitude in Russian dialects. For example, continuants of **vesel-* and **bъdr-* are traced in the nominations of good mood, high speed of action and process of fermentation. The resemblance of **dobr-* and **bъdr-* can be noted in general positive assessment, good quality, health and vegetative force. The author pays particular attention to the semantic and motivational peculiarities of the verb *bódritysya* ‘to neglect hospitality, to be squeamish about food’, and the adjective *bódryy* ‘about a person who refuses to eat, neglecting the hospitality’ (the Vologda region). The attention to these lexemes is due to their importance for ordinary folk: squeamishness and refusal to eat are regarded as disrespect towards the hosts, a sign of arrogance.

Key words: Russian dialect vocabulary; semantics; motivation; ethnolinguistics; etymological and morphological word family.